

ЕМКУЖЕВА ПРОТИВ РОССИИ
Неофициальный перевод постановления ЕСПЧ

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЕМКУЖЕВА ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №71998/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

6 июля 2021 года

Это постановление вступило в силу, текст документа может быть подвергнут редакторской правке.

В деле «Емкужева против России»,
Европейский суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Комитетом в следующем составе:

Darian Pavli, *Председатель Секции,*

Dmitry Dedov,

Peeter Roosma, *судьи,*

and Olga Chernishova, *заместитель секретаря Секции,*

Принимая во внимание
жалобу (№71998/13) против Российской Федерации, поданную в Суд в
соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и
основных свобод (далее – Конвенция) гражданкой Российской
Федерации Хайшат Беталовной Емкужевой (далее – заявительница), 21
октября 2013 года;

коммуникацию Правительству Российской Федерации (далее –
Правительство);

замечания сторон;

Заседая 15 июня 2021 года за закрытыми дверями,

Выносит следующее постановление, принятое в тот же день:

ВВЕДЕНИЕ

1. Настоящее дело касается смерти сына заявительницы во время
попытки его задержания и непроведения надлежащего расследования
событий.

1. ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

2. Заявительница родилась в 1952 году и живет в Нальчике. Ее
интересы представляли юристы неправительственной организации
«Правовая инициатива по России», расположенной в Утрехте,
Нидерланды, в сотрудничестве с АНО «Правовое содействие —
Астрей».

3. Власти Российской Федерации были представлены г-ном М.
Гальпериним, Уполномоченным Российской Федерации при
Европейском суде по правам человека, а затем его преемником – г-ном
А. Федоровым.

4. Обстоятельства дела, представленные сторонами, можно
резюмировать следующим образом.

5. Сын заявительницы, г-н Ю., родился в 1987 году и проживал в
Нальчике. В 2007–2008 годах он ездил в Сирию, Ливан и Турцию для
изучения ислама.

1. События 16 марта 2011 года

1. Информация, представленная Правительством

6. Власти Российской Федерации утверждали, что Федеральная служба безопасности Республики Кабардино-Балкария (далее – ФСБ) провела оперативно-розыскные мероприятия в отношении г-на Ю. по подозрению в его причастности к международному терроризму, совершении тяжких преступлений, в том числе незаконном владении оружием. Попытка задержать сына заявителя была осуществлена обученными специалистами по взрывчатым веществам и сотрудниками ФСБ, которым было разрешено применять огнестрельное оружие и специальное оборудование.

2. Спецоперация 16 марта 2011 года

7. 16 марта 2011 года около 00.10 указанные сотрудники пытались задержать г-на Ю. около гаражей на улице Толстого в Нальчике. По всей видимости, у него была обнаружена большая спортивная сумка.

8. По утверждениям властей Российской Федерации, г-н Ю. не подчинился приказу поднять руки и выстрелил в офицера. Другие офицеры стреляли в г-на Ю. в защиту своего коллеги. В результате г-н Ю. был убит. Офицеры не пострадали.

9. Заявительница утверждала, что около 17:00 15 марта 2011 года ее сын ушел из дома и больше не вернулся. 16 марта 2011 года ей позвонили родственники и сообщили, что в СМИ появились сообщения о спецоперации, проведенной ФСБ, в результате которой погиб ее сын, который якобы оказал сопротивление при задержании.

2. Расследование инцидента

1. Уголовное дело против г-на Ю. №71/57-11

10. В тот же день власти возбудили уголовное дело против сына заявительницы. Его обвинили в сопротивлении задержанию и нападении на сотрудников милиции, а также в незаконном хранении оружия, поскольку было установлено, что у сына заявителя было ружье, несколько патронов и гранаты.

11. Были проведены осмотр на месте и несколько судебно-медицинских экспертиз, включая осмотр тела и одежды г-на Ю., баллистические и взрывные испытания. Показания были получены от сотрудника Х., который стоял в 20 метрах от г-на Ю., когда последний открыл огонь, и от родственников г-на Ю.

12. Из материалов дела не следует, что власти допросили других свидетелей, особенно других офицеров, присутствовавших на месте происшествия.

13. Согласно результатам судебно-медицинской экспертизы тела г-на Ю. от 16 марта 2011 года, сын заявительницы умер от множественных пулевых ранений в голову, грудную клетку и верхние конечности. У него также были синяки под глазами и ссадины на

верхних конечностях. Также было установлено, что в него попало 13 пуль. В отчете также упоминаются ссадины на запястьях.

14. 3 июня 2011 г. офицер Х. показал, что ему неизвестно точное количество сотрудников специального подразделения, участвовавших в этой операции, а также тип использованного оружия. Он увидел трех офицеров в масках, одетых в черное. Кроме того, сотрудник Х. дал противоречивые заявления о дате происшествия.

15. Заявительница не имела статуса потерпевшей по уголовному делу против ее сына и не имела доступа к материалам дела.

16. 31 декабря 2011 года уголовное дело в отношении сына заявительницы было закрыто в связи с его смертью. Возражения заявительницы относительно более подробного изучения обстоятельств смерти ее сына не были приняты во внимание.

17. 24 сентября 2012 г. заявительница обжаловала это решение в Нальчикском городском суде. Представляется, что жалоба осталась без рассмотрения, поскольку 3 октября 2012 года Следственный комитет Республики Кабардино-Балкария постановил, что расследование было незавершенным, и возобновил производство по делу.

18. Следователю было предложено установить, где г-н Ю. был и с кем он контактировал 15 и 16 марта 2011 года. Из материалов дела не следует, что следователь допросил дополнительных свидетелей и установил местонахождение г-на Ю. до его смерти.

19. 8 ноября 2012 г. уголовное дело было вновь закрыто по существу по тем же основаниям, что и ранее.

20. Неясно, была ли уведомена заявительница об этом решении и могла ли она его обжаловать.

2. Предварительное расследование обстоятельств смерти г-на Ю.

21. Параллельно с вышеупомянутым уголовным делом заявительница также пыталась возбудить отдельное производство по факту смерти ее сына.

22. 17 марта 2011 года тело сына заявительницы было возвращено семье. Они отметили, что на теле были не только следы от пуль, но и явные следы от наручников на его запястьях, ожоги и сломан нос.

23. С 22 марта по 24 мая 2011 года заявительница пыталась возбудить уголовное дело об обстоятельствах смерти ее сына и объяснить происхождение указанных травм. В ответ она получила письма от властей с обещанием решить эти вопросы в ходе расследования.

24. 20 октября 2011 года по жалобе заявительницы в отношении неизвестных сотрудников правоохранительных органов было возбуждено предварительное следствие (дело № 1587-11). В соответствующем решении указывалось на необходимость изучить, могли ли следы на запястьях быть результатом использования наручников.

25. 2 августа 2011 года была проведена дополнительная судебно-медицинская экспертиза тела г-на Ю. Среди прочего, эксперт упомянул ссадины на запястьях, которые «могли быть связаны с наручниками» или возникли в результате «удара твердыми и тупыми предметами за один день до смерти». Другие утверждения заявительницы относительно ожогов и сломанного носа остались неподтвержденными.

26. 30 октября 2011 г. следователь отказал в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления.

27. 24 сентября 2012 г. заявительница обжаловала это решение (см. также пункт 17). 11 января 2013 года Нальчикский городской суд признал его незаконным в связи с уклонением следователя от расследования происхождения всех телесных повреждений и подробного объяснения причин отказа. 26 февраля 2013 года Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики оставил в силе вышеуказанное решение первой инстанции.

28. 14 июня 2013 года следователь повторно отказал в возбуждении уголовного дела по тем же основаниям, что и ранее. По-видимому, следователь не исследовал происхождение всех травм г-на Ю. Они также не затронули обстоятельства операции.

2. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

29. Краткое изложение соответствующего национального законодательства и практики см. в постановлении *Dalakov v. Russia* (no. 35152/09, § 51–53, 16 February 2016).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

30. Заявительница жаловалась, ссылаясь на Статью 2 Конвенции, на то, что ее сын, г-н Ю., был убит. Она также утверждала, что власти не провели эффективного расследования этого дела. Статья 2 Конвенции гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть намеренно лишен жизни иначе, как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как совершенное в нарушение данной Статьи, если оно является результатом применения силы не более чем абсолютно необходимой:

(a) для защиты любого лица от незаконного насилия;

(b) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;

(с) в случае действий, предусмотренных законом, для подавления бунта или мятежа».

1. Приемлемость

1. Доводы сторон

31. Правительство утверждало, что заявительница не исчерпала внутренние средства правовой защиты. В частности, в своих жалобах она не утверждала, что проведенное расследование было неэффективным или что власти не смогли установить обстоятельства операции, приведшей к смерти ее сына, а только добивалась доступа к уголовному делу.

32. Правительство также утверждало, что заявительница не обжаловала последнее решение следователя о прекращении дела в национальных судах (см. пункты 19–20). Власти Российской Федерации также утверждали, что заявительница не выполнила требование о шестимесячном сроке, поскольку она подала заявление более чем через девять месяцев после даты, когда заявительнице стало известно о решении от 8 ноября 2012 года.

33. Заявительница не согласилась с этим и утверждала, что расследование уголовного дела оказалось неэффективным, а ее жалобы были тщетными.

34. Кроме того, заявительница сожалела об отсутствии у нее статуса потерпевшей в уголовном процессе против ее сына (см. пункт 15). Несколько раз она запрашивала доступ к материалам дела, но безуспешно. Из-за отсутствия доступа к материалам дела она не могла своевременно оспорить эффективность обеих процедур.

2. Оценка Суда

35. Суд считает, что вопрос о том, исчерпала ли заявительница внутренние средства правовой защиты в отношении этой жалобы, тесно связан с вопросом о том, провели ли национальные власти эффективное расследование ее утверждений. Эти вопросы относятся к существу жалобы заявителя на нарушение Статьи 2 Конвенции. Таким образом, Суд решает объединить их с рассмотрением дела по существу (см. пункт 45).

36. Что касается довода властей Российской Федерации о том, что жалобы заявительницы были поданы не в срок, Суд отмечает, что ничто в материалах дела не позволяет ему рассматривать решение от 8 ноября 2012 года как окончательное или последнее решение, принятое следствием в отношении обстоятельств дела г-на Ю. Он отмечает, что различные судебные разбирательства продолжались по крайней мере до 14 июня 2013 года, когда следователь снова отказал в возбуждении уголовного дела в ответ на жалобы заявительницы (см. пункт 28). Таким образом, заявительница не нарушила правило шести месяцев в отношении ее жалоб на качество расследования обстоятельств смерти

ее сына. Следовательно, возражение правительства должно быть отклонено.

37. Суд отмечает, что жалобы заявительницы не являются явно необоснованными по смыслу Статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим причинам. Следовательно, они должны быть объявлены приемлемыми.

2. Существо дела

1. Доводы сторон

38. Заявительница настаивала на том, что власти задержали ее сына, пытали и допросили его, а затем убили, освещая всю операцию как перестрелку, в то время как Правительство утверждало, что г-н Ю. был застрелен в результате ответного огня офицеров, и считало, что применение смертоносной силы против г-на Ю. было оправдано, поскольку офицеры просто ответили огнем, действуя таким образом в порядке самообороны.

2. Оценка суда

39. Применимые общие принципы были резюмированы Судом в деле *Далаков против России*, упомянутое выше, § 61–65.

40. Стороны сходятся во мнении, что смерть сына заявительницы, г-на Ю., произошла в результате применения силы со смертельным исходом представителями государства (см. пункт 8). Суд сначала оценит адекватность расследования окружающих обстоятельств, а затем перейдет к оценке действий представителей государства.

1. Процессуальное обязательство государства в соответствии со Статьей 2 Конвенции

41. Суд отмечает, во-первых, что в день событий было возбуждено уголовное дело против г-на Ю. по подозрению в нападении на полицию и незаконном хранении оружия (см. пункты 10–16). Его внимание не было направлено на реконструкцию событий, приведших к применению смертоносной силы. В ходе этого расследования не были установлены ключевые элементы инцидента, лицо, в которое г-н Ю. якобы стрелял, а также не были установлены или допрошены ключевые свидетели событий (см. пункты 11–13, 18 и 26).

42. Суд отмечает, в частности, что к операции были привлечены несколько сотрудников правоохранительных органов. При этом не подлежит сомнению, что не все задействованные в спецоперации офицеры были идентифицированы, не говоря уже о допросе. Сотрудники, стрелявшие в сына заявительницы, остались неустановленными и так и не дали показаний (см. пункты 11–12 и 18). Только офицер Х. был допрошен и сделал расплывчатые и противоречивые заявления, которые остались в основном непроверенными (см. пункты 11 и 14).

43. Кроме того, противоречия между официальной версией событий и травмами, обнаруженными на теле г-на Ю., в частности ссадинами на запястьях (см. пункты 22 и 25), так и не были устранены должным образом. По этой причине следователям не удалось восстановить цепь событий, приведших к применению силы со смертельным исходом, и установить основные элементы инцидента.

44. В свете вышеизложенного Суд заключает, что национальные власти не дали надлежащего ответа на серьезные обвинения в ненадлежащем применении смертоносной силы представителями государства. Расследование было неэффективным в том смысле, что оно не могло установить обстоятельства, при которых произошел инцидент, и привести к определению того, было ли применение силы оправданным в данных обстоятельствах, а также к установлению личности и наказанию тех, кто виновен в незаконном убийстве. Также нельзя сказать, что власти предприняли разумные шаги для обеспечения доказательств, касающихся инцидента, включая свидетельские показания и доказательства судебно-медицинской экспертизы (см. *«Далаков против России»*, процитированное выше, с дополнительной ссылкой).

45. Суд также отмечает, что доступ заявительницы к обоим направлениям расследования, т. е. к расследованию действий г-на Ю. и расследованию, касающемуся обстоятельств его смерти, был затруднен из-за ряда процессуальных сбоев и отсутствия информации. Тем не менее, заявительница неоднократно обжаловала бездействие властей в отношении этого расследования (см. пункты 15–20 и 27–28). При таких обстоятельствах Суд считает, что власти были в достаточной мере осведомлены о настойчивом желании заявительницы надлежащим образом расследовать смерть ее сына и участвовать в соответствующем разбирательстве. Он считает, что возражение властей Российской Федерации о предполагаемом неисчерпании заявительницей должно быть отклонено.

46. Соответственно, Суд заключает, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее процессуальной части.

2. Ответственность государства за смерть г-на Ю.

47. Суд отмечает, что г-н Ю. был убит 16 марта 2011 года в результате специальной операции, проведенной представителями государства. Стороны разошлись во мнениях относительно того, было ли применение смертоносной силы против него «абсолютно необходимым», а также относительно точных обстоятельств этой операции.

48. Заявительница настаивала на том, что власти задержали ее сына, пытали и допросили его, а затем убили, освещая всю операцию как перестрелку, в то время как власти Российской Федерации утверждали, что г-н Ю. был застрелен в результате ответного огня офицеров.

49. Суд напоминает, что при оценке доказательств он обычно применял стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. *Ирландия против Соединенного Королевства*, 18 января 1978 года, § 161, Серия А, № 25). Однако такое доказательство может вытекать из сосуществования достаточно сильных, четких и согласованных выводов или аналогичных неопровержимых фактов. Если рассматриваемые события полностью или по большей части находятся в исключительной компетенции властей, как в случае с лицами, находящимися под их контролем в заключении, возникают серьезные презумпции фактов в отношении телесных повреждений или смерти, имевших место во время такого задержания (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, and *Giuliani and Gaggio v. Italy* [GC], no. 23458/02, § 181, 24 March 2011).

50. В настоящем деле Европейский суд не располагает достаточными доказательствами, которые позволили бы ему подтвердить «вне разумных сомнений» утверждения заявителя о предполагаемой казни г-на Ю. В то же время версия властей Российской Федерации также не полностью соответствует материалам дела и, что касается хода соответствующих событий, содержит многочисленные упущения и неясности. По мнению Суда, не оспаривается, что операция была не спонтанной, а спланированной заранее, по крайней мере с некоторыми предварительными сведениями о профиле и деятельности г-на Ю. (см. пункт 6). Таким образом, офицеры должны были быть хорошо вооружены, чтобы иметь дело с различными сценариями операции по задержанию, и были обязаны минимизировать риск применения смертоносной силы (см. *Akhmadov and Others v. Russia*, no. 21586/02, § 101, 14 November 2008).

51. Суд также отмечает, что в документах, рассмотренных Судом, нет ничего, что позволяло бы предположить, что на стадии планирования операции было уделено серьезное внимание возможности того, что г-н Ю. мог попытаться скрыться или открыть ответный огонь (см. *Yukhymovych v. Ukraine*, no. 11464/12, § 76–79, 17 December 2020; *Dalakov*, cited above, § 83; and *Tsoroyev v. Russia* [Committee], no. 13363/11, § 51, 24 March 2020). Правительство не предоставило никаких подробностей планирования в связи с этим. Действительно, имеющаяся у Суда поверхностная информация относительно инцидента и, в частности, количества и характера ран на теле г-на Ю. (см. пункт 13), по всей видимости, позволяет предположить, что полицейские нацелились на жизненно важные органы г-на Ю. и явно стреляли на поражение (см. *Mansuroğlu v. Turkey*, no. 43443/98, § 86–87, 26 February 2008). Суд приходит к выводу, что в отсутствие информации о важнейших элементах событий Правительство не может считаться ответственным за применение смертоносной силы в обстоятельствах настоящего дела. Следовательно, нас не убеждают, что убийство г-на Ю. представляло собой применение силы, которое было не более чем абсолютно необходимым для достижения целей, предусмотренных в пункте 2

Статьи 2 Конвенции (см. *Dalakov*, cited above, § 85; *Makaratzis v. Greece* [GC], no. 50385/99, § 67, ECHR 2004-XI).

52. Следовательно, имело место нарушение материально-правового аспекта Статьи 2 Конвенции.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 5 КОНВЕНЦИИ

53. Ссылаясь на Статьи 3 и 5 Конвенции, заявительница жаловалась на то, что перед убийством ее сына власти задержали, пытали и допросили ее сына. Статьи 3 и 5 Конвенции гласят:

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Статья 5

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения ...»

A. Доводы сторон

54. Правительство отклонило утверждения заявительницы как неправдоподобные и неподтвержденные. Что касается ссадин на запястьях г-на Ю., они сочли их незначительными и не достигшими степени тяжести, предусмотренной Статьей 3 Конвенции.

55. Заявительница настаивала на своих жалобах.

2. Оценка Суда

56. Суд отмечает, что не установил «вне разумных сомнений», что г-н Ю. был казнен (см. пункт 50). Аналогичным образом, в материалах дела нет ничего, подтверждающего, что он был задержан, подвергнут жестокому обращению или задержан сотрудниками правоохранительных органов, как утверждает заявительница. Эксперт не подтвердил наличие предполагаемых ожогов на теле г-на Ю. и установил, что синяки на лице возникли в результате пулевых ранений (см. пункт 25). Наличие царапин на руках г-на Ю. могло, как утверждала заявительница, указывать на использование наручников, но также могло быть вызвано другими обстоятельствами, совершенно не связанными с рассматриваемыми событиями и, возможно, предшествовавшими им (*ibid*).

57. Таким образом, Суд считает, что эта часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная и должна быть признана неприемлемой в соответствии с пунктами 3 и 4 Статьи 35 Конвенции (аналогичные выводы см. *Gadayev and Others v. Russia*, no. 51119/15, § 72, 14 January 2020).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

58. Заявительница жаловалась на отсутствие эффективных средств правовой защиты в отношении предполагаемых нарушений Статей 2 и 3 Конвенции. Статья 13 Конвенции гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

59. Суд отмечает, что эта жалоба касается тех же вопросов, что и рассмотренные выше в пунктах 41–46 в рамках процессуального аспекта Статьи 2 Конвенции. Следовательно, жалобу следует признать приемлемой. Однако, учитывая свой вывод по Статье 2 Конвенции, Суд считает нецелесообразным рассматривать эти вопросы отдельно в соответствии со Статьей 13 Конвенции (см. *Fanziyeva v. Russia*, no. 41675/08, § 85, 18 June 2015 *Dalakov*, cited above, § 90).

IV. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

60. Поскольку заявительница жаловалась в соответствии со Статьей 3 Конвенции на общий уровень стресса и страданий во время разбирательства по делу, Суд считает, что в свете всех материалов, имеющихся в его распоряжении, и в той мере, в которой обжалуемые вопросы являются в пределах своей компетенции, они не раскрывают никаких признаков нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней, кроме тех, которые были рассмотрены выше. Соответственно, эти жалобы должны быть отклонены в соответствии с пунктами 3 и 4 Статьи 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

61. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право соответствующей Высокой Договаривающейся Стороны допускает только частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшим».

A. Ущерб

62. Заявительница потребовала 1 628 334 российских рубля (18 319 евро) в качестве компенсации материального ущерба, причиненного

потерей финансовой поддержки со стороны ее сына, который был кормильцем ее семьи. Заявительница утверждала, что она могла рассчитывать как минимум на 30 % его заработка. Она также потребовала справедливой компенсации морального вреда в размере, который будет определен Судом.

63. Правительство не согласилось с этим и сочло эти требования необоснованными и чрезмерными.

64. Что касается требований о возмещении материального ущерба, Суд повторяет, что должна существовать четкая причинно-следственная связь между возмещением ущерба, заявленным заявителями, и нарушением Конвенции. При необходимости это может включать компенсацию потери заработка, которая применяется к близким родственникам, включая супругов, престарелых родителей и несовершеннолетних детей (см., среди прочего, *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 213, ECHR 2006-XIII (extracts)).

65. В свете вышеизложенных выводов, принципов, перечисленных выше, и доводов сторон Суд присуждает заявительнице 10 000 евро в качестве компенсации материального ущерба плюс любые налоги, которые могут быть начислены им на эту сумму.

66. Что касается требований о компенсации морального вреда, Суд повторяет, что всякий раз, когда он обнаруживает нарушение Конвенции, он может согласиться с тем, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь установлением нарушения, и присудить финансовую компенсацию. Принимая во внимание изложенный выше принцип, доводы сторон и установленное нарушение, Суд присуждает заявительнице 60 000 евро плюс любые налоги, которые могут взиматься с нее с этой суммы.

67. Суд считает целесообразным, чтобы процентная ставка по умолчанию была основана на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

В. Расходы и издержки

68. Заявительница также потребовала 4 659,38 евро в качестве компенсации судебных издержек и издержек, понесенных национальными властями и Судом. Она попросила перечислить награду на банковский счет ее представителя.

69. Правительство сочло это требование необоснованным.

70. Что касается документов, находящихся в его распоряжении, и его прецедентной практики, Суд считает разумным присудить сумму в 3 000 евро плюс любые налоги, которые могут взиматься, на покрытие судебных издержек и расходов по всем статьям. Присуждение должно быть переведено на банковский счет текущего представителя заявительницы в Нидерландах, как указано заявительницей.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО,

1. *Объявляет*, что жалобы на убийство г-на Ю. представителями государства и неспособность властей должным образом расследовать обстоятельства его смерти допустимы, а остальная часть жалобы неприемлема;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее материальной и процессуальной части;
3. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать жалобу на нарушение Статьи 13 Конвенции в отношении предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;
4. *Постановляет*
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявительнице в течение трех месяцев следующие суммы, которые должны быть конвертированы в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на дату расчета:
 - (i) EUR 10,000 (десять тысяч евро) плюс любые налоги, которые могут быть начислены, в отношении материального ущерба;
 - (ii) EUR 60,000 (шестьдесят тысяч евро) плюс любые налоги, которые могут быть начислены, в качестве компенсации морального вреда;
 - (iii) EUR 3,000 (три тысячи евро) плюс любые налоги, которые могут взиматься с заявительницы в отношении судебных издержек и расходов, которые должны быть уплачены на банковский счет представителя в Нидерландах;
 - (b) что с истечения вышеупомянутых трех месяцев до расчета простые проценты будут выплачиваться на вышеуказанные суммы по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода неисполнения обязательств плюс три процентных пункта;
5. *Отклоняет* остальные требования заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 6 июля 2021 года в соответствии с Правилем 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Olga Chernishova
Заместитель Секретаря Секции

Darian Pavli
Председатель Секции